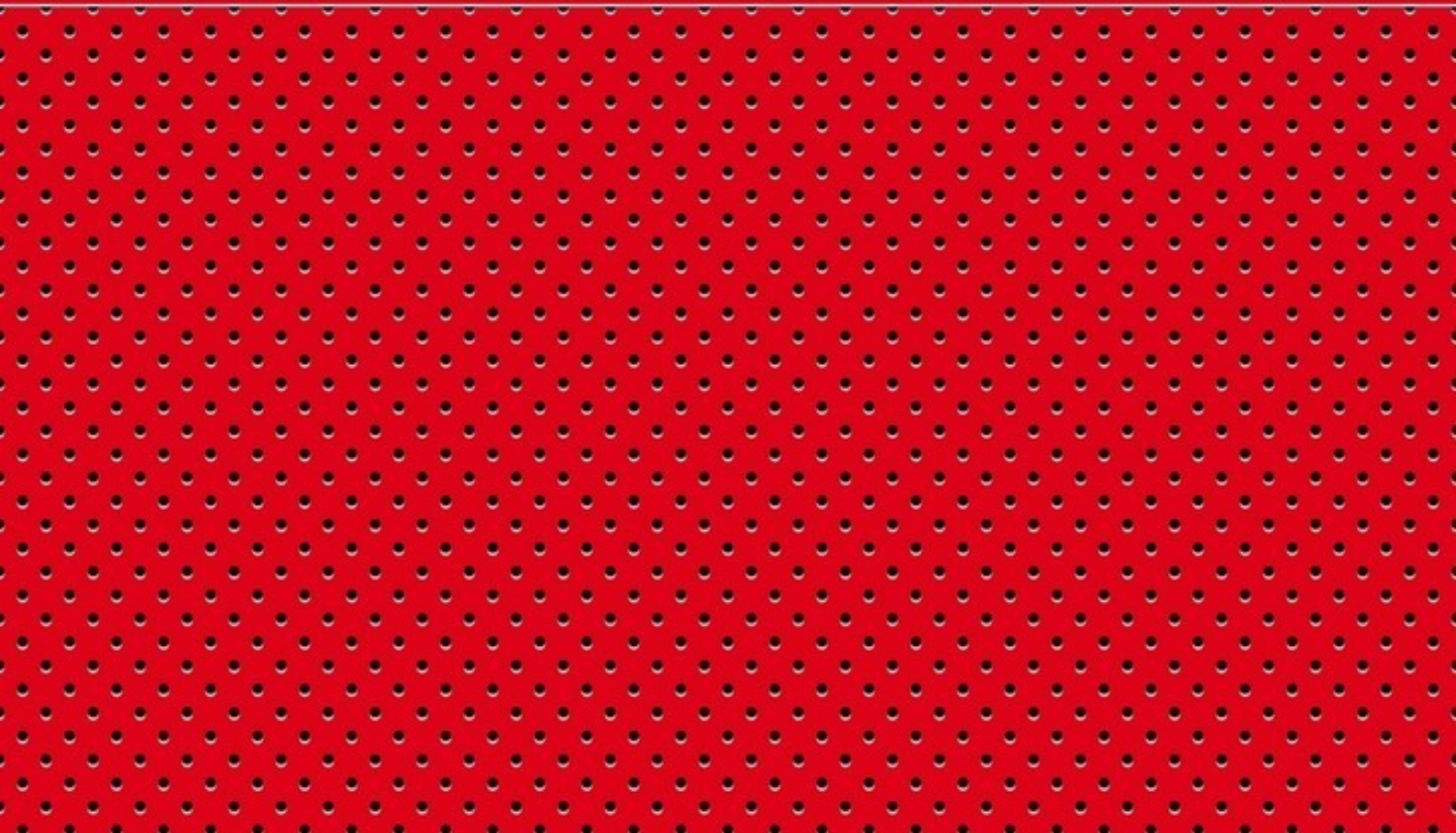

Роман Борин

Полпирожка с повидлом

Сказочная история о мальчике, который
мечтал стать мореходом

Роман Борин

**Полпирожка с повидлом.
Сказочная история о мальчике,
который мечтал стать мореходом**

«Издательские решения»

Борин Р.

Полпирожка с повидлом. Сказочная история о мальчике, который мечтал стать мореходом / Р. Борин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748068-4

Джон Оттопыренные уши мечтает стать мореходом. Его дед был рыбаком и погиб в море. Папа пошел с армией Наполеона и умер от ран. Мама работает прачкой, и Джон вынужден помогать ей. Он не только таскает тюки с бельем, но и ловит рыбу и работает в порту или гавани, зарабатывая в день на пирожок с повидлом. При этом он сочиняет сказки и мечтает однажды подняться на борт красавицы каравеллы...

ISBN 978-5-44-748068-4

© Борин Р.
© Издательские решения

Содержание

Долговязый Джон и старый пират	6
Мальчик-рыба и мода на шорты	14
Тайна бронзовой чернильницы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Полпирожка с повидлом Сказочная история о мальчике, который мечтал стать мореходом

Роман Борин

*Памяти великого сказочника мира
Ханса Христиана Андерсена
Посвящается*

Рисунки Екатерины Резниченко

© Роман Борин, 2016

© Екатерина Резниченко, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В маленьком городе на берегу не очень тёплого, но и не очень холодного моря жил один мальчик. Ничем особенно не примечательный – мальчик как мальчик. Таких было много – босоногих, вечно голодных, но всё равно весёлых, любящих купаться в море и греться на солнышке. И, конечно же, с интересом слушать всякие истории.

Долговязый Джон и старый пират

Но Джон Оттопыренные Уши (так его прозвали во всём городе – за его забавные уши) заметно отличался от других озорников. Прежде всего, тем, что разные истории любил не только слушать, но и рассказывать. Причём рассказывал он их всегда так складно и с таким чувством, что сверстники – и в школе, и на улице – поначалу его заслушивались. Первое время они даже начали ему завидовать. Вся хитрость здесь заключалась в том, что каждую свою историю Джон просто придумывал, но именно об этом и утаивал. Он всегда обрисовывал её так, будто сам участвовал в потрясающих событиях. И говорил при этом так убедительно, что даже самые недоверчивые ребята принимали выдумку за чистую монету.

Но однажды... Джон придумал, будто в море на него напала акула. И жив он остался благодаря проплывавшему мимо дельфину.

– Вот ты и попался! – закричали мальчишки в один голос. – Это в каком таком море на тебя напала акула, а спас тебя дельфин?

Увы, но город, в котором жили Джон со своей мамой и все знакомые ему мальчишки, стоял на берегу моря, дельфины в котором не водились. Да и акул у берега никто в том городе не видел. Джон попытался было оправдаться: мы, мол, с мамой ездили на южное море. Но ему никто не поверил. Все ведь знали: работая прачкой у разных зажиточных горожан, мама Джона денег получала очень мало – какие там поездки.

– И вообще! – заявил один из слушателей Джона, очень начитанный мальчик из обеспеченной семьи. – Что-то слишком много с тобой разных историй приключается. Как будто ты не в городе живёшь, а постоянно путешествуешь. В прошлый раз ты рассказал нам, как на тебя напал гигантский орёл в горах. Интересно, когда же это ты побывать там успел? Ведь ты всё лето помогаешь своей матери тюки с бельём таскать.

– А ну-ка признавайся честно, – возмущённо загалдела ребятня. – Ты всё время нам врал?

Смутившись, Джон сумел лишь плечами пожать:

– Не врал, а просто сочинял. Я не знал, что вы рассердитесь. Ведь вы же меня всё время слушали

– Ах ты, сочинитель-врунишка! – накинулись на Джона все его бывшие слушатели. – Надоело твоё враньё! Да как ты посмел нас дурачить, выдавая свои выдумки за правду!

Они хотели даже как следует наподдать бедному Джону, однако начитанный мальчик из обеспеченной семьи был, в общем-то, неплохо воспитан; он считал, что бить одного гурьбой недостойно человека, к тому же Джон никому ничего плохого не сделал – подумаешь, навывдумывал разных историй. В глубине души этот мальчик даже немного завидовал сыну прачки: ишь, мол, какой – в школе для бедных еле-еле на «троечки» учится, а сочиняет как складно! Поэтому мальчик из обеспеченной семьи остановил ребят и громко, с чувством снисходительного превосходства, заявил:

– Думаю, о такого врунишку не стоит и руки марать – лучше мы просто перестанем с ним дружить. Пусть рассказывает свои глупые сочинилки девчонкам. Если, конечно, они захотят его слушать.

Джон рассказывает сказки друзьям

Все жельно засмеялись, радуясь, что так легко посрамили Джона, не распуская кулаки. И, довольно похлопывая друг друга по плечам, побежали загорать на море. А Джон остался во дворе один: плестись за оскорбившими его мальчишками ему не позволяла гордость.

Надо сказать, что Джон Оттопыренные уши не любил жаловаться на жизнь и на кого-либо обижаться. Если кто-то из знакомых сверстников или взрослых вдруг переставал Джона заме-

чать, он просто прекращал первым напрашиваться на общение. Другое дело, когда к нему сами обращались. Тогда он внимательно выслушивал человека, и, если тому нужна была помощь, никогда не отказывал. Даже своими ничтожными заработками Джон всегда делился с теми, кто просил у него несколько монет для чего-то очень важного. Хотя знал, что самостоятельно заработанные деньги следует отдавать матери, поскольку она и так, бедная, из сил выбивается, чтобы каждый день у Джона было что покушать и надеть на себя.

Честно говоря, жили они с мамой Лизой до того бедно, что соседи, сами совсем не богатые, всегда старались им чем-то помочь. В основном помогали старой изношенной одеждой и, в холодную зимнюю стужу, углём для их маленькой печурки. Одежду, разумеется, приходилось перешивать. Сохранить в прежнем виде, к примеру, дарёные брюки или курточку никогда не удавалось: настолько они оказывались потрёпанными. Но мама Лиза и Джон всегда придумывали, как из самых оборванных обносков сделать приличную вещь. Джон ведь никогда не боялся насмешек. И с удовольствием до самой осени носил короткие, обрезанные чаще всего выше колен, штанишки, на которые для красоты искусно нашивал вырезанные из маминых лоскутков кораблики или птиц. А вместо куртки с привычными длинными рукавами – весьма оригинальную короткую безрукавку, заплатки на которой благодаря его фантазии и маминому мастерству превращались в самое настоящее украшение.

Пока Джон был маленький, на его перешитую одёжку никто не обращал внимания. Но, в отличие от всех остальных своих сверстников, Джон Оттопыренные Уши очень быстро тянулся вверх – к яркому солнцу и нежному небу, как любила острить на этот счёт мама Лиза. Может быть, кому-то просто стало завидно, что мальчик из неполной и очень бедной семьи так быстро растёт – трудно сказать. Но когда Джону исполнилось тринадцать, мальчишки вдруг стали ехидно называть его «Долговязый – Длинноногий – С голым пузом – Голоногий». Увы – девочки почему-то тоже подхватили эту глупость. А подсказал им её кто-то из взрослых, с улицы, где жили Джон и мама Лиза. Джон как-то рассказывал сказки гревшемуся на солнышке большому рыжему коту, а этот взрослый человек услышал и очень громко, на всю улицу, заявил:

– Глядите-ка на Джона! Такой долговязый уже вымахал – даже из штанов и жилетки вырос! А всё чего-то придумывает, всё завирает, как маленький! И не стыдно тебе, Джон?!

Джон рассказывает сказки коту

Он сказал это просто так, без какой бы то ни было злобы и презрения. Посмеялся, да и только. Однако ребята, услышав его слова, тут же придумала Джону новую кличку. Хорошо хоть старая, про оттопыренные уши, постепенно забылась. Правда, форма ушей у Джона к тому времени изменилась. Уши у него стали как уши – не маленькие, но и не большие. Да и шевелюра у парня вдруг пошла так буйно, что уши его вскоре никто и не замечал. А вот долговязый с голым пузом и ногами – как ни обидно было Джону такое слышать, но даже зимой, когда мальчик ходил в длинной тёплой одежде, эта кличка продолжала преследовать его буквально по пятам.

Будь он покрепче в кости и пошире в плечах... Впрочем, вряд ли бы Джон и тогда прочил своих обидчиков: уж слишком он был добрый. С тех пор, как, уличив во вранье, ребята перестали с ним общаться, прошло года четыре. Всё это время Джон свободные от уроков и работы часы проводил наедине с собой, рассказывая сказки только разным животным – кошкам, собакам, воронам, белочкам, даже свиньям, попадавшимся ему навстречу. И вдруг ребята, старательно не замечавшие Джона даже в школе, вспомнили о его существовании. С одной стороны, новая кличка вернула к Джону внимание сверстников, и это было хорошо. Но с другой, лучше бы это внимание не восстанавливалось. И дня не проходило без того, чтобы мальчишки и девчонки всласть не поиздевались над Джоном. А тут ещё на их улицу приехали из другого города двое хулиганов-близнецов. Они сразу же захотели верховодить на своей новой территории. Но, чтоб не вызвать на себя неприязнь со стороны целой команды местных мальчишек, эти хулиганы активно подхватили волну насмешек над Джоном. И, плюс ко всему, начали Джона задирать. Мальчик был выше каждого из них на целую голову. Однако, во-первых, их было двое, во-вторых, хулиганов-новичков всё время поддерживали бывшие друзья Джона, а в-третьих, Джон совершенно не понимал, как это можно взять и человека ни с того ни с сего ударить. Впрочем, хулиганы вели себя весьма осторожно и хитро. Они понимали, что если начнут по-настоящему лупить этого Голоногого Хлыща (так они извратили новую кличку Джона), он,

глядишь, рассвирепеет да и научится давать сдачи. Поэтому парни поначалу ограничивались толканием и подножками. А когда сообразили, что Джона этим не проймёшь, принялись вываливать его в грязь.

Вот в это время Джон и познакомился со старым матросом, недавно поселившимся в ветхой каморке на самом краю улицы. Это был плохо ухоженный, заросший волосами человек с деревянным протезом вместо правой ноги и с левой рукой, отрубленной по локоть. Одевался он обычно, хотя и в мятую, но довольно крепкую форму морского офицера, а когда кого-нибудь о чём-нибудь спрашивал, обязательно кричал: «Эй, на марсе! Какого цвета паруса на горизонте?». Про этого человека взрослые обычно тихо говорили между собой, будто он когда-то был пиратом.

Долгое время Джон и этот старик друг друга как будто совсем не замечали. Когда Джон проходил мимо его каморки, тот как ни в чём ни бывало курил свою «пиратскую» трубку и глядел куда-то в сторону над крышами домов.

Однажды при целой куче насмешливых зрителей один из близнецов бесцеремонно повалил Джона спиной на траву и с явным удовольствием уселся на него верхом. Такое хулиганы проделывали с Джоном и раньше, причём неоднократно. И поскольку драться Джон не любил, а рассердить его было довольно трудно, то, оказываясь на лопатках под кем-нибудь из хулиганов, он обычно терпеливо ждал, когда нахалу надоест издеваться над «Голоногим Хлыщом» и он сам ему позволит подняться на ноги. Близнецы же, в свою очередь, старались не делать Джону больно. Скорее всего, они просто боялись вывести мальчика из себя. Ведь тогда у них вполне мог появиться шанс опростоволоситься перед той же самой публикой.

В конце концов Джону порядком надоело быть всё время униженным. В тот раз он на самом деле попытался уйти с лопаток. Увы, не зря говорят в народе: с чем смиришься, то и будет. В первые минуты отчаянной борьбы с оседлавшим его хулиганом уйти из-под него Джону не удалось. Из-за этой промашки мальчику и вправду показалось, будто хулиган намного его сильнее, даром что ниже ростом. Растерявшись от неудачи, Джон покорно лежал на сырой траве, а нахальный мальчишка не просто с победным видом сидел на нём, но и под злорадный хохот наблюдавшей за поединком детворы с ехидной ухмылкой высказывал про Джона всякие гадости. Дескать, и слабак он, и трус, и вообще длинный голоногий хлыщ, здорово похожий на пожарную лестницу.

Неожиданно Джон услышал хриплый недовольный кашель, а потом и самый настоящий, по представлениям Джона, пиратский голос:

– Ты чего это, Долговязый Джон, позволяешь каким-то хилым дураплисам над собой издеваться! Ты же настоящий моряк! Я видел, как ты плаваешь в море! Ну-ка, покажи этому крысёнку, где его место!

Джон густо покраснел.

Он и на самом деле уже отлично плавал

Только никто из мальчишек этого не видел. Неожиданно он понял, что ни в коем случае не должен осрамить этого странного человека, к которому Джон давно испытывал тайный интерес.

А сидевший на парне хулиган с дурацким хихиканьем уцепил Джона за нос своими пальцами, ногти на которых были чрезвычайно грязными. Вот тогда Джон разозлился по настоящему.

Поединок Джона с хулиганом

Сам не понимая как, он резко ухватил обидчика за руку, с силой дёрнул её на себя и повернулся на бок. Не прошло и двух секунд, как Джон не только сбросил с себя этого нахала, но и, усевшись хулигану на спину, наколотил ему между лопаток так, что тот орал во весь голос и взахлёб. А старый пират, радостно потирая свои мозолистые ладони, подбадривал Джона:

– Молодчина, Долговязый Джон! Дай ему как следует, чтоб он сам выбросился за борт! Крысам нечего делать на корабле!

Дворовые мальчишки и девчонки захохотали ещё пуще – теперь уже над словами странного деда и визгом посрамлённого близнеца. Вынырнув откуда-то из кустов, на помощь брату попытался прийти второй близнец. Однако неожиданная удача заметно ободрила Джона. Мальчик смело встретил второго хулигана.

– Давай, Долговязый Джон! Накостыляй им обоим! Пусть и вторая крыса сваливает за борт, на корм акулам! – с необычным для простого дедушки азартом подзадоривал старый пират.

Джону и второго близнеца удалось проташить носом по траве, заломав ему руку за спину.

– Больно! Пусти, голоногий! – благим матом орал второй близнец, в то время как братец его позорно улепёгивал домой – Джон ведь не мог заниматься обоими одновременно.

Старина Грэй

Словом, Джон доставил тогда настоящее удовольствие всем, кто видел его последнюю потасовку с близнецами. Детвора теперь от души смеялась над братьями-задирами, потерпевшими в борьбе с Джоном убедительное поражение. Ребятня, конечно же, не вернула свой потерянный когда-то интерес к сочинилкам Джона. Мальчишки и девчонки по-прежнему избегали проводить свободное время вместе с ним. Кто знает, может быть, стыдясь своих прошлых насмешек, сверстники мальчика стеснялись открыто попросить у него прощения и пригласить его в свою компанию.

Увы, но после победы над хулиганами-близнецами Джон всё также пребывал в одиночестве. Однако всякие гадкие словечки и глупые смешки в его адрес никто отныне не отпускал. А между собой ребята, случайно вспоминая про Джона, называли его уже не старой кличкой, а гораздо более уважительной – Долговязый Джон. То есть, как назвал его в шутку старый пират.

Был ли тот дедушка в молодости пиратом, выяснится чуть позже. Пока же давайте вернёмся к моменту триумфа Джона, показавшего обоим близнецам, кто они есть на самом деле. Когда у братьев-задир, как говорится, засверкали пятки, старик так обрадовался, что принялся размахивать своим костылём и кричать:

– Каррамба! Эй, на марселе! Посмотрите-ка, не слопала ли выброшенных за борт крыс акула! Молодчина, долговязый Джон! Быть тебе капитаном каравеллы! Сто футов ей под килем!

Хватаясь от смеха за животы, дворовые мальчишки и девчонки буквально попадали в траву. От смущения Джон аж запунцовел. А старик тут же подковылял к нему и с настоящим пиратским размахом дружески хлопнул мальчика по плечу. Бедняга Джон едва удержался на ногах.

– Выше голову, юнга! – весело воскликнул дед. – Клянусь морской солью, давно я не видел такого сногшибательного поединка. Здорово ты вздул эту сухопутную шпану! Любо-дорого было смотреть. И, клянусь своей матерью, ты надолго отбил им охоту подлю нападать исподтишка на мирных моряков. При этом – не врут мои просоленные морем глазищи – ты не поставил им даже ни одного приличного синяка на физиономии. А это, знаешь ли, признак самого настоящего боевого мастерства и пиратского благородства! Верно я говорю: быть тебе капитаном, юнга! И как бы мне хотелось подняться на борт твоей каравеллы, хотя бы боцманом! Жаль, что я стар. А то бы мы с тобой ещё поплавали.

Немного успокоившись, забавный дед с интересом рассказал о том, как в молодости в одиночку разгонял из таверн «целые тучи» сухопутных крыс, задумывавших обчистить карманы благородного морского волка. По словам старика выходило, что практически все его товарищи по морскому ремеслу почитали за доблесть, оставив кортики в каютах, отправиться на весёлую прогулку в ближайшем порту и постоять за честь моряка против «всяческих сухопутных тварей, думающих, что они способны безнаказанно грабить честных борцов с морскими бурями». Уставши, наконец, произносить напыщенные фразы, старик махнул рукой и небрежно пригласил Джона «заглядывать к нему на капитанский мостик». То есть, как понял Джон, в каморку на самом краю улицы.

С тех пор Долговязого Джона довольно часто можно было увидеть сидящим на приступке у покосившейся хибары в компании странного старика, всегда державшего во рту свою неразлучную трубку.

Мальчик-рыба и мода на шорты

Правда, слово «часто» для мальчишек того времени значило совсем не то, что для современных ребят. Свободных часов у таких, как наш храбрый Джон, даже в летние каникулы оставалось не очень-то много. Ведь нужно было помогать родителям по хозяйству, а то и где-то подрабатывать. Многие мальчишки в том городе и в дождь, и при жарком солнце часами шныряли в поисках работы где только было можно – по рынкам, вдоль рядов мануфактурных лавок и продовольственных магазинов, рядом с фабрикой по производству копчёной и солёной рыбы, поблизости от парфюмерного и свечного заводиков. Околачивались мальчишки и у пекарни, у харчевни, у кондитерской тётушки Мэри, просто на улице с богатыми домами: вдруг кто-нибудь из господских слуг попросит быстро сбегать на рынок или отнести кому-нибудь любовную записку от барышни – хотя бы самую мелкую монету заработаешь. Но больше всего ровесников Джона тянуло в два места – на городскую пристань и в рыбацкую гавань. На пристани почти каждый день можно было увидеть спускающихся с корабля по трапу прилично одетых молодых людей, богатых стариков и хорошеньких леди. И большинству из них всегда требовалась помощь носильщика. Тяжёлые чемоданы и сундучки, разумеется, подросткам никто бы не доверил: ещё уронят в воду. Зато достаточно лёгкие, но не очень удобные для белых господских рук саквояжи и корзинки с провиантом, одеждой, цветами и, нередко, господскими кошками и собаками взрослые богатыри-носильщики всегда уступали мальчишкам. Даже когда тяжёлых коробов с очередного судна никто не вытаскивал. Так было заведено с неведомо каких времён. Поэтому мальчишкам всегда что-нибудь да перепадало.

Но пристань, конечно же, была не такой уж и оживлённой, чтобы клиентов хватило всем желающим. К тому же за доставку корзинки, пусть и самой большой, только до ждущего на берегу извозчика много платить не было принято. Обычно за один такой вояж мальчишка зарабатывал себе на пирожок с повидлом, а то и полпирожка.

Поэтому к рыбакам ребятню тянуло всё-таки сильнее. В гавани, хотя и было слишком шумно, и всё время там сновали совершеннолетние парни, всё-таки у «сопливых шкетов», как любили высокомерно покрикивать рослые юноши, появлялось куда больше шансов «срубить калым», нежели на пристани, а тем более в городе. Рыбаки вообще являли собой, с точки зрения босоногих пацанов, образец дружелюбия – угостить чумазого мальчишку свежельвленной рыбкой (из той, что по размерам не доходила до нужного «калибра») им ничего не стоило. Мальчишки, умевшие располагать к себе взрослых мужчин, за день общения с рыбаками нередко заслуживали по доброму ведру всякой мелкоты, которую можно было, если не продать (хотя бы господским кошкам на ужин), то навялить. А даже самая мелкая вяленая рыба – это для завсегдатаев любой пивной отличный деликатес. Но, кроме того, рыбакам почти всегда требовалось доставить что-нибудь из города. То они просили пацанов принести пресной ледяной воды, то пива из ближайшей таверны, то хлеба или варёной картошки. Нередко счастливицу поручали перебрать улов, оказавшийся слишком богатым для того, чтобы рыбаки успели ещё на баркасе отделить мелкоту от «нормальной» рыбы, а протухшую от хорошо сохранившейся. Платили они, разумеется, рыбой. Но уже на выбор. Например, бери какую хочешь, но чтоб не больше одной корзинки. Дескать, и так еле «допрёшь» до дома.

Джон, конечно же, тоже пробовал зарабатывать в этих столь хлебных местах. Особенно во время, когда помогать маме Лизе таскать бельевые тюки не требовалось. Увы, будучи по натуре уступчивым, Джон почти всегда терял свой шанс получить задание от рыбаков или других завсегдатаев гавани. Чаще всего Джон просто слонялся по берегу без дела, в глубине души надеясь на неожиданный оклик кто-нибудь из взрослых. Как правило, не окликали. И поэтому долгое время у Джона больше получалось подработать на городском рынке, где

нередко у какого-нибудь торговца овощами возникала необходимость быстро отобрать из корзин ещё не испортившиеся овощи и унести долой с глаз массу гнили.

Но мысли Джона не застаивались на месте. Научившись к двенадцати годам отлично плавать, он вдруг сообразил встречать рыбаков прямо в море. И однажды, забыв об опасностях, подстерегающих одинокого пловца далеко от берега, Джон бесстрашно пустился в рискованный заплыв к виднеющимся на горизонте рыбацким баркасам. Каково же было удивление рыбаков, которые первыми увидели подплывающего к их борту мальчишку!

– Человек за бортом! Малец какой-то в воде! Держись, паренёк! – закричали ему в самый первый раз рыбаки, готовясь бросить спасательный круг на канате.

А один из них, самый крупный и высокий, с настоящей моряцкой бородой без усов, прямо в штанах и тельняшке сиганул в воду навстречу Джону. Отплываваясь от солёной воды, Джон упирался как мог. Однако спасатель всё-таки уцепил мальчугана за волосы и отбуксировал его к баркасу. Куда, в общем-то, Джон и направлялся, предварительно надев на себя широкий пояс с прикрепленными к нему бутылкам пресной воды. Их он предусмотрительно закупорил самодельными пробками.

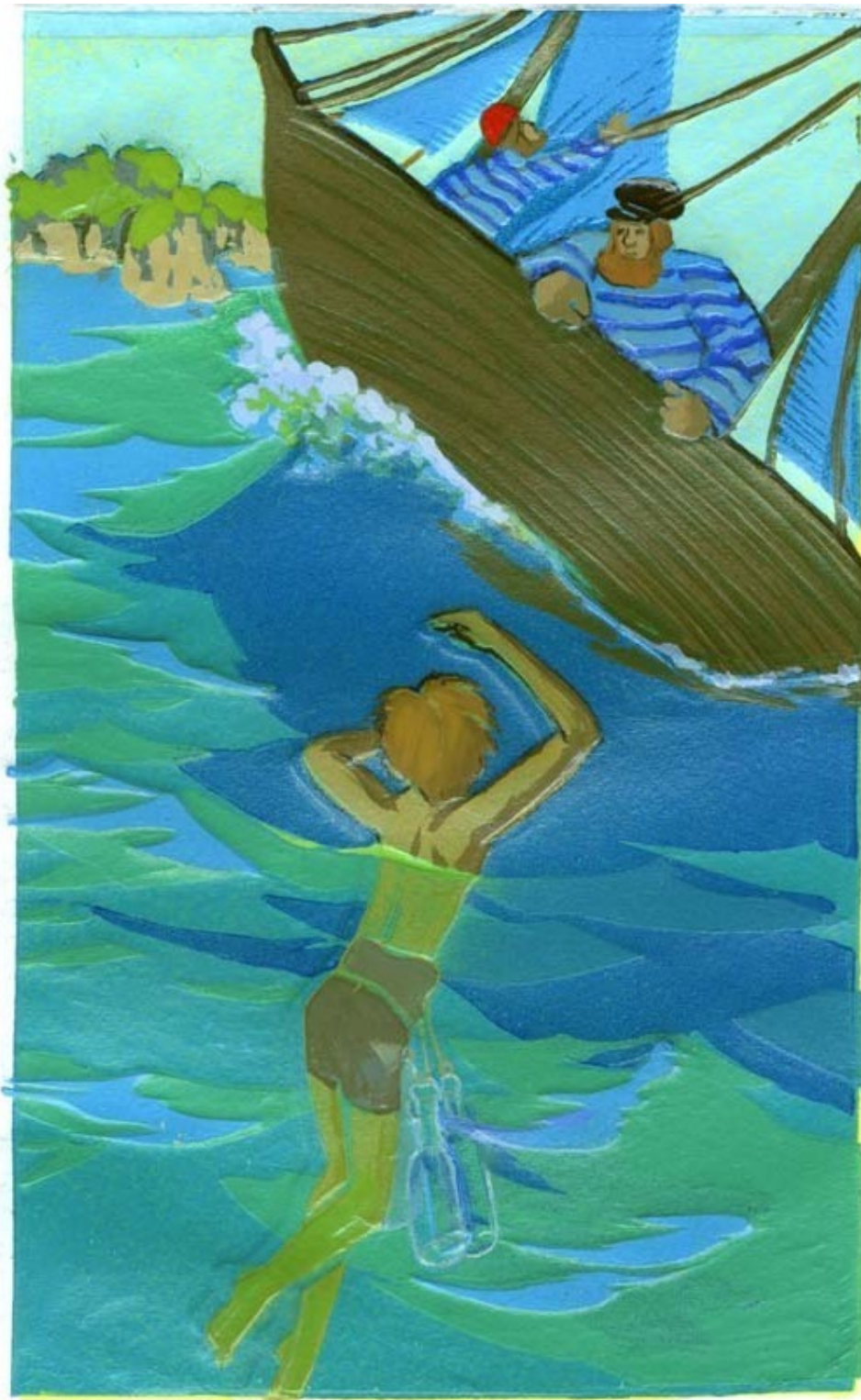
Когда, наконец, рыбаки сообразили, что на самом деле задумал этот «малёк», отправляясь в море, как говорится, на своих «два плюс два» (руки и ноги), они долго взахлёб хохотали, дружески похлопывая Джона по голой спине. Оказалось, что и прибуксированная Джоном пресная вода, ещё на берегу заправленная винным уксусом, пришлась рыбакам весьма кстати.

Разумеется, Джон вернулся на берег поздно вечером, за что получил от мамы Лизы отличную трёпку. Однако и заработок у него в тот счастливый день оказался на зависть взрослым носильщикам. Чтобы дотащить всю подаренную рыбаками рыбу от гавани до дома, парню пришлось самому нанимать извозчика. Поздно вечером извозчиков на пирсе дежурило всего-то пару экипажей. К тому же они и днём-то не любили плату натурой, требуя денег. Но так уж, видно, Джону повезло: пожилой извозчик, к которому один из рыбаков подтащил целый мешок рыбы Джона, оказался любителем свежельвленной жареной трески. А рыба в мешке у мальчишки лежала такая аппетитная, что извозчик сам предложил расплатиться с ним парой рыбёшек.

Если мерить любимыми Джоном пирожками с яблочным повидлом, то за этот легендарный заплыв ему удалось заработать столько пирожков, сколько продававшая на их улице тётушка Герда не выпекала за полмесяца непрерывной работы. Мама Лиза, конечно же, обрадовалась такому щедрому подарку от сына. Но в то же время она и забеспокоилась: откуда, мол, у мальчишки столько крупной трески. Джон, разумеется, ещё по пути домой придумал сказку о том, будто рыбу заработал у рыбаков, перебирая их необычайно огромный улов. Якобы так получилось, что Джон самый первый встретил баркас этих мореходов.

Да и некому было, собственно говоря, кроме Джона их на пирсе встречать: так поздно никто из мальчишек в гавани не задерживается.

– А тебе, значит, можно задерживаться! Тебе, стало быть, можно волновать свою бедную мать, которая уже готова была заявлять в полицию об исчезновении сына! – возмутилась мама Лиза. – После смерти отца прошло всего каких-нибудь шесть лет, а ты успел окончательно отбиться от рук!

Рискованный заплыв Джона

Она не столько ругала Джона, сколько горевала по поводу его безответственного поведения. Хорошо ещё, она так и не узнала, что на самом деле вытворил тогда её любимый сыночек. Иначе непременно упала бы в обморок. У женщин ведь очень сильно развито воображение. Стоило ей только представить мальчишку, плывущего почти в открытом море, как её наверняка хватил бы удар. Но и поверив Джону, мама Лиза настоятельно попросила его больше так не поступать с ней.

Однако по натуре Джон был до невозможности упрям – при всей любви к матери он не мог вот так просто, что называется, сойти с дистанции. Ту рыбу мама Лиза частью пожарила (и они впервые за многие годы жизни без отца очень вкусно и сытно поужинали, позавтракали и пообедали), частью умело засолила, а частью продала на маленьком базарчике недалеко от дома. Не успел Джон, как говорится, и глазом моргнуть, а у него появился настоящий костюм старшеклассника.

– Это тебе подарок на новый учебный год! Ведь ты пойдешь уже в пятый класс! Как я хочу, чтобы ты стал, наконец, выглядеть красиво, как подобает будущему джентльмену! – торжественно объявила мама Лиза, показывая Джону его обнову.

Костюм был и вправду великолепен! Один длиннополый двубортный пиджак чего стоил. Причём он оказался Джону как раз по фигуре, подчёркивая его стройность и не по годам высокий рост. И никаких обрезанных брюк, за которые его долгое время звали голоногим!

Джону очень не хотелось волновать и огорчать маму Лизу своими заплывами, но бросить свой новый вид заработка, пусть и столь рискованного, он так и не смог. А когда о его «проделке» узнал старый пират (в гостях у него Джон бывал теперь каждый выходной день), то мальчик и вовсе решил стоять на своём.

– Ни в коем случае это дело не бросай, пока оно тебе не надоест, – категорически заявил ему странный дедушка. – Только так поступают настоящие моряки. Я как только увидел тебя в море, сразу понял: вот кто настоящий капитан. И, клянусь своей отрубленной в морском бою рукой, ты станешь настоящим пир... то есть, капитаном!

«Он проговорился», – возликовал в душе мальчишка. Непонятно почему, но Джону очень хотелось, чтобы старый Грей (так звали странного деда) на самом деле оказался бывшим пиратом, которому мастерски удалось избежать наказания.

– Но мать волноваться не должна! – вдруг строго посмотрел на Джона старина Грей. – Если ты твёрдо решил добывать золотишко таким образом, то делай это так, чтобы мать не догадалась об этом. А знаешь, как этого добиться?

Джону, естественно, очень хотелось узнать о таком способе – как обмануть маму Лизу, чтобы она ни за что не раскрыла обман, и в то же время перед самим собой не выглядеть лгуном. И Грей нащептал ему в ухо весьма дельный совет.

На следующий день ближе к вечеру, когда рыбаки в основной своей массе выпили на баркасах всю захваченную с собой пресную воду, наш юный герой, не привлекая ничьё внимание, оглядываясь по сторонам, вошёл в воду и поплыл. При этом на самой макушке у него был прикреплен большущий пучок сухой травы. Издали посмотришь – ни дать ни взять стусок водорослей болтается на волнах. Рыбаки же его спереди сразу распознали и очень ему обрадовались.

– Наш спаситель приплыл! – весело приветствовали они подплывающего к баркасу мальчишку.

Напившись вдоволь прибуksированной Джоном холодной воды, рыбаки хотели снова оставить мальчика на баркасе до позднего вечера. Однако Джон объяснил им, что не может возвращаться домой так поздно, потому что его мама очень волнуется, и рыбаки предложили Джону взять на прокат маленький ялик. Эту довольно лёгкую и плохо управляемую лодчонку они держали на баркасе на всякий случай.

Дождавшись, когда солнце начало садиться, Джон поблагодарил своих клиентов, забрал у них мешок с рыбой и благополучно вернулся на берег. Правда, высадиться он решил всё-таки не в гавани, а в маленьком глухом заливчике, располагавшемся от гавани шагах в трёхстах. Сплошь затянутый вонючей тиной, этот заливчик никого не привлекал – на его берегу всегда было тихо, только цикады звенели да бабочки порхали с цветка на цветок. Спрашивается, для чего Джону было нужно, чтобы никто не заметил его с мешком рыбы да ещё на чужом ялике? Во-первых, в гавань к вечеру запросто могла прийти мама Лиза. Во-вторых, его могли уви-

деть кто-нибудь из знакомых, а это определённо означало бы, что очень скоро маме Лизе станет известно о его заплыве к рыбакам. В-третьих, он возвращался с моря без сопровождения рыбака. Вполне возможно, кто-нибудь из хулиганистых парней постарше, вечно шнырявших по гавани в поисках поживы, захотел бы силой отнять у Джона заработанную с таким риском рыбу. Шататься же без дела у заливчика никому бы и в голову не пришло: все знали, что в нём никто не купается.

Джон обрадовался: сегодня всё у него вышло как надо. Никто из знакомых его не видел, и рыбу он спокойно притащит домой гораздо раньше, чем получилось в первый раз. Ялик из-за малого волнения управлялся довольно легко и скоро мягко уткнулся своим полукруглым носом в пологий берег заливчика. Осторожно, боясь оттолкнуть лёгкий ялик в глубину заливчика, Джон вылез на заваленный водорослями берег и потащил за собой мешок. Вот тут-то парень и понял, насколько сильно заблуждался, планируя такой манёвр с незаметным возвращением домой. Хотя рыбаки на этот раз рыбы ему в мешок положили фунтов на десять меньше, ноша всё равно оказалась для мальчика чересчур тяжёлой. Ведь прошлый раз мешок он довёз до дома на телеге, а до неё мешок дотащил рыбак. Причём даже у самого дома надрываться Джону не пришлось: старик-извозчик оказался не только физически очень крепким, но ещё и добрым – он помог мальчишке доставить мешок с рыбой аж до самого крыльца их с мамой Лизой дома. И всё это у Джона как-то вылетело из головы. Только теперь, на неприглядном берегу совершенно безлюдного заливчика он сообразил, с какой проблемой столкнулся. И машинально подумал, что вдвоём с мамой Лизой они, скорее всего, дотащили бы мешок до дома, хотя и с трудом. Что делать? Не бежать же за мамой домой, оставив рыбу и чужую лодку без присмотра. Тут же Джон догадался, о чём думали рыбаки, предлагая Джону ялик. Дескать, парень снова наймёт извозчика и ялик заберёт к себе домой вместе с рыбой. Лодчонка вполне умещалась на телеге. В принципе, если очень сильно постараться, то ялик можно дотащить до дома, накрывшись им. Но тогда придётся оставить на берегу мешок с рыбой, а потом поздно вечером за ним возвращаться.

«Вот ещё, незадача! – с тревогой в душе подумал Джон. – Мама ведь ни за что не отпустит меня из дома на ночь глядя. И потом, придётся ей как-то объяснить, откуда у меня взялся рыбацкий ялик».

Раздумывая над этой проблемой, Джон машинально повинычал из мешка почти всю рыбу, сложив её под ноги в кучу наполовину высохших водорослей. Солнце уже стояло в зените, но светило ещё достаточно ярко, чтобы видеть вокруг себя минимум шагов на двести. Неожиданно Джон заметил неподалёку от кромки берега довольно густые заросли крапивы. Из-за долго стоявшей жаркой погоды жгучие стебли вымахали мальчику едва ли не по грудь. Обжечься об её коварные листья ему, конечно, не хотелось. Но он всё-таки надумал спрятать в эти заросли лодчонку и половину рыбин вместе с пустыми бутылками, тоже привезёнными от рыбаков на ялике. «Вряд ли кто захочет поискать неизвестно что в такой высокой крапиве», – рассудил Джон. Вот только по поводу оставленной в ялике рыбы у него возникли сомнения: не испортится ли она до утра. Впрочем, другого выхода у мальчугана не было, и, взвалив заметно полегчавший мешок на спину, Джон бодро зашагал в сторону видневшейся шагах в трёхстах от заливчика высокой насыпи – по ней проходила дорога в город.

Едва Джон поднялся на дорогу, как с ним поравнялась размеренно катившая в город подвода. На радость Джона, это оказался тот же самый старик-извозчик.

– Ну что, Долговязый Джон! Опять рыбки наловил? И, небось, у тебя снова крупная треска! – весело воскликнул дед, натягивая поводья. – Я сегодня гружёный до отказа, однако для тебя местечко найду. Садись-ка, давай, рядом со мной. Да не жадничай: сегодня я с тебя возьму не две, а только одну рыбину. И то, ты просто угостишь меня по старой дружбе.

Джон, конечно, быстренько уселся рядом с извозчиком на облучок. В то же время он очень удивился: и откуда это извозчик знает не только имя Джона, но и даже кличку, придуманную стариной Греем? А извозчик, словно прочитал мысли мальчика, усмехается:

– Признаться честно, твой новый приятель, ну тот, что вечно смолит этой древней морской трубкой, попросил меня прихватить одного маленького шалопаю в мокрых штанах, обрезанных чуть ли не по самые ляжки. Если, мол, встретишь. У него, говорит, будет полным полно свежей рыбы. И все величиной с доброе полено. Вот я и встретил этого шалопаю.

Добродушно расхохотавшись, старик размашисто хлопнул Джона по голой спине, точь-в-точь, как старина Грей. И Джону тут же закралось в голову подозрение, что Грей и этот извозчик – друзья из одной старой пиратской компании, однажды тихо и незаметно для властей сошедшей на берег в этом маленьком городе рыбаков. Разумеется, эта мысль Джона ничуть не огорчила, а наоборот порадовала. Сам не понимая почему, он в глубине души считал, что заиметь хороших друзей среди бывших пиратов – это здорово. Говоря откровенно, ему очень хотелось на самом деле однажды подняться на борт красавицы каравеллы (или хотя бы небольшого брига) в качестве если не капитана, то хотя бы юнги. Пускай при этом команда будет пиратской – ему-то что, если все на корабле его уважают и любят, как полноправного члена сплочённой команды морских волков.

Но мечты мечтами, а дело делом.

«Было бы очень неплохо попросить приятеля Грея подождать, а самому сбежать за оставшейся рыбой», – машинально подумал Джон. Они уже всю катили по пыльной дороге, и бежать к заливику пришлось бы порядочно. Старик продолжал что-то рассказывать мальчугану про рыбу, рыбаков, проделки его давнего приятеля Грея, а у Джона в голове только и вертелась мысль об оставленной в крапиве части его заработка. Но высказать вслух свои соображения насчёт подождать он так и не решился. Во-первых, Джон явно жадничал – вдруг извозчик потребует дополнительную плату за простой. А во-вторых, лезть в крапиву в сгущающихся сумерках ему совсем не улыбалось: и так всё тело уже горело от проклятой травы. Которая, впрочем, по мнению Джона, должна была являться лучшим охранником его добычи.

Но вот они подкатили к их с мамой лачуге. И вовремя: с другой стороны улицы к дому приближалась мама Лиза. Оказывается, она ходила в гавань – высматривать сына. А точнее, как понял Джон, мама Лиза надеялась застукать его на «месте преступления». Всё-таки она подозревала, что её покладистый сыночек на самом деле парень себе на уме и вполне способен выкинуть бог знает что. А и как не подозревать об этом, если довольно многие молодые люди, из постоянно обретавшихся в гавани, не раз наблюдали за странным одиноким парнишкой, ловко плавающим между рыбацких лодок. Кто-кто, а Джон-то в своих коротких штанах с нашитыми на них разноцветными корабликами и птичками являлся фигурой заметной. Говоря по правде, юноши в возрасте от пятнадцати лет в глубине души Джона уважали. Прежде всего, за его умение быстро и неутомимо плавать. «Прямо как угорь морской», – шутили они про Джона между собой, открыто любясь его ловким бесшумным скольжением по воде бухты. Обрезанные же и с откровенно детскими нашивками брюки Джона парни, в отличие от подростков, воспринимали исключительно как признак житейской находчивости (нет денег на нормальные штаны, так он, вишь, как ловко придумал) и подкупающей смелости: дескать, молодец парень – никого не стесняется, ходит, в чём ему удобно, и горя не знает.

Было бы несправедливо умолчать, что Джон своим оригинальным внешним видом, по сути, дал в этом городе начало новой молодёжной моде. Разумеется, всё прогрессивное входит в жизнь людей не моментально. Юноши вначале просто с добрыми смешками обсуждали между собой находчивость и раскованность «мальчика-угря» (так в конце концов прозвали Джона молодые рыбаки с их береговыми помощниками). Потом они стали как бы между прочим говорить о преимуществах, которые обеспечивают укороченные выше колен штаны

во время летней работы на берегу по сравнению с обычными брюками, длиной до щиколоток. В жару, мол, в коротких штанах и не устанешь почти, и в море окунуться можно где хочешь, поскольку снимать их не требуется. А главное – шорты ведь можно легко и быстро смастерить из любого старья с хорошо сохранившейся верхней частью. Представляете, какая экономия!

Да, да! В ту пору люди всегда рассуждали в таком ключе. Это нам сейчас мысли об экономии на штанишках кажутся смешными. В девятнадцатом же веке одежда стоила дорого. И если сейчас одни простые джинсы по цене равны в среднем мешку картошки, то в то время за такие же штаны людям приходилось выкладывать почти по мешку свежельвленной трески. А уж картошки-то пришлось бы, наверное, мешков пять отдать. Попробуй не экономить на одежде летом. Зимой не в чем ходить будет.

Но мы отвлеклись от главного. Забегая немного вперёд, скажу, что уже на следующее лето после того, как Джона заприметили в гавани, всё чаще среди помощников рыбаков, не говоря уж о них самих, стали встречаться юноши с голыми ногами. И местные девчонки такое «раздевание» парней восприняли без предубеждений, как будто в обрезанных штанах мужчины ходили всегда. А уже спустя годы, после того, как, превратившись в интересного молодого человека, Джон уехал из родного города, шорты в гавани летом стали носить почти все рыбаки и грузчики молодого возраста.

Но всё это, друзья мои, произошло потом, когда Джону исполнилось шестнадцать лет. Тогда же Джон и приятель старины Грея просто, подкатив на подводе к дому Джона, у калитки встретили начавшую уже было волноваться маму Лизу.

Тайна бронзовой чернильницы

Помните, как Джон однажды, заработав с рыбаками очень много рыбы, половину её был вынужден спрятать в крапиве на берегу тихого и мало кому интересного заливчика? А мама Лиза вечером ходила в гавань разыскивать сына. Ох и рассердилась же она на него тогда. Однако ничего страшного в тот вечер не произошло.

Домой тогда Джон вернулся ещё до темноты, а знавшие Джона юноши в гавани сказали маме Лизе только, что сегодня вообще почему-то не видели Джона целый день. Правда, один из парней оборонил-таки фразу, немало насторожившую маму Лизу. Ничего особенного эта фраза в себе не содержала, но мама Лиза, тем не менее, обратила на неё внимание. А сказал сияющий белозубой улыбкой парень всего-то, что им всем без Джона было скучно. Все, мол, привыкли любоваться на его ловкие заплывы между рыбацких лодок.

Речь, конечно же, шла не о баркасах, с которых далеко в море ловилась рыба, а о лодках, болтающихся в бухте. Плавая между ними, Джон просто резвился, пытаясь подражать то змею, то действительно угрю, то дельфину, которого мальчик видел только в собственных снах. И получались все эти подражания у Джона настолько ловко и забавно, что даже замотанные работой бородачи засматривались на искусного с их точки зрения пловца.

Мама Лиза о способностях (а в её понимании опасных шалостях) Джона в тот вечер услышала впервые. Она тут же подробно расспросила о Джоне сияющего белозубой улыбкой юношу, а затем и всех работавших вместе с ним ребят. И в отношении сына у неё возникли весьма противоречивые чувства.

С одной стороны, маме Лизе было очень приятно узнать о том, с какой симпатией относятся к её сыночку старшие мальчики – не в пример его сверстникам. С другой же, как и любая женщина, она обеспокоилась его безалаберным поведением. Ибо ещё со своего раннего детства усвоила непререкаемую истину: море – штука чрезвычайно опасная даже у самого берега и в полный штиль.

Джон об этой истине узнал, когда имел неосторожность при маме вслух помечтать о путешествии по морю на каравелле.

– Даже и думать об этом не смей! – в сердцах заявила в тот холодный зимний вечер мама Лиза, несмотря на приятное тепло, создаваемое в их лачуге добротной печуркой. – Вспомни, как ты прятался за печкой, когда однажды на море разыгрался шторм. Даже далеко от берега, на нашей улице, срывало крыши с домов и водой захлёстывало комнаты. А ты мечтаешь пойти в море, откуда не видно берегов! Да в море даже в тихую безветренную погоду тонут корабли – безо всякой видимой причины.

Джон пытался было спорить. Мол, во-первых, за печкой он прятался, когда ему было всего-то три годика, причём папа, тогда ещё живой, от души хохотал над ним. А во-вторых, если море так опасно, то почему каждый год на воду в гавани спускается всё больше кораблей, и нет отбоя от желающих подняться на борт судна. Какого-либо впечатления на маму Лизу эти доводы совершенно не произвели.

– Людям нужно что-то есть, а работы на земле для всех не хватает. Многие к тому же не понимают, какой опасности подвергаются, выходя в море. Конечно, благодаря этим безрассудным парням у нас с тобой иногда бывает на ужин вкусная рыба. Но это ничего не значит. Пойми, сынок: человек создан жить на земле, иначе Господь дал бы человеку вместо лёгких жабры – не понадобилось бы строить никакие корабли.

Голос мамы Лизы в тот момент звучал с необычайной строгостью, и Джон притих, решив про себя беседы о море с мамой никогда больше не заводить. Даже начав, подобно сверстникам, искать работу в гавани, он старался первым маме Лизе о своих поисках не сообщать. О них она узнала сама: в их городе известным становилось очень быстро буквально всё.

Она узнала также и о том, что мальчик купается в море в гордом одиночестве, поскольку поспорил со своими друзьями. Но, как её ни пугала мысль о коварности моря, то и дело уносящего в свою пучину хороших людей, запрещать сыну заходить в воду мама Лиза не стала. Она хорошо понимала, что запретами ничего не добьётся, зато у сверстников Джона появится ещё один повод для насмешек. Да и лишать мальчугана этой радости – купаться в море и загорать на берегу – не захотела бы, наверное, ни одна мать на планете.

Но, выведав про Джона подробности его частых заплывов, мама Лиза всё-таки выговорила от души. У калитки, при постром извозчике, она, разумеется, браниться не стала, хотя ей очень хотелось отвесить любимому сыночку хорошую затрещину. В доме же пыл у мамы Лизы несколько поостыл – свою воспитательную миссию она ограничила причитаниями и укоризненными взглядами.

Правда, не забыв заодно и похвалить мальчугана за заботу (второй ведь раз приносит маме столько крупной рыбы). Кроме того, мама Лиза не удержалась от соблазна рассказать и о том, с каким уважением относятся к Джону работающие в гавани молодые люди. Джона это не могло не порадовать, ему ведь очень хотелось быть кому-то симпатичным.

Всю ночь Джон боялся, что утром мама Лиза найдёт ему работу при себе. Бедная треска, оставшаяся в ялике на берегу! Она же непременно протухнет!

– Была не была! – решил вдруг Джон. – Уйду из дома спозаранку, отгоню ялик рыбакам, а потом приволоку оставшуюся рыбу. Пускай ругается, если ей так хочется.

Так всегда происходит. Мальчугану однажды приходит в голову, что он – мужчина, а его мама – женщина. Сладить с ним тогда становится совершенно невозможно. И главное – никогда не предугадаешь день, час и минуту превращения подростка в юного мужчину. Причём, превратившись, внешне мальчик может ещё довольно долго выглядеть подростком, даже голос у него остаётся по-прежнему высокий и ломкий. И мама по привычке продолжает мальчиком командовать, а он только посмеивается в сторону, но делает всё, как считает нужным. Попробуй на него замахнись ремнём или накричи – сразу почувствуешь, насколько мальчик изменился. Подумать только – в одну лишь ночь!

Проворочавшись на постели до рассвета, Джон сумел выйти из дома незамеченным. Ещё бы! Мама Лиза никогда не засыпала раньше полуночи. А в этот раз ей кроме взятого на стирку белья пришлось перебирать и подарок сыночка. Треска в тот вечер явно не входила в планы мамы Лизы. Пока она выпотрошила и засолила рыбу, после полуночи минуло часа два. Чрезвычайно притомившаяся мама Лиза долго не могла заснуть, поэтому всё для Джона сложилось по типу «лучше не придумаешь»: любимую, но чересчур заботливую мамочку сон сморил в аккурат на рассвете.

И Джон спокойно побежал к заливчику, прихватив с собой выстиранный мамой Лизой и ещё не высохший рыбацкий мешок. Легко сказать «побежал»! Вначале он действительно бесшумно, почти как предрассветный призрак, мчался по накатанной колёсами рыбацких арбулице, потом по плотной земляной дороге, ведущей в гавань. Не прошло и пяти минут, как мальчик понял, что начал по-настоящему задыхаться и терять равновесие. Несколько раз он споткнулся о выбоины и даже полетел вниз лицом.

Наконец, всё тело его будто свинцом налилось, и с бега мальчик перешёл на вялую трусцу, словно пробежал, спасаясь от погони, несколько миль подряд. Так, друзья мои, проявляет себя самая обычная усталость, которая имеет обыкновение коварно накапливаться в организме в течение многих часов работы подряд. Избавиться от неё довольно легко – нужно просто

ночью как следует выспаться. Чего, мучаясь раздумьями о брошенном без присмотра ялике с треской, Джон не сумел. В результате усталость проявила себя во всю мощь уже на дистанции.

Примерно на середине пути от дома до залива наш храбрый мальчуган свалился без чувств под откос дороги. По большому счёту, он вовсе не был слабым подростком. Скорее, наоборот, не по годам физически развитым. Но силы рассчитывать, конечно же, не умел – многие тринадцатилетние мальчишки не владеют этой наукой.

А Джон плюс ко всему и питался не очень хорошо. Не потому, что мама Лиза плохо его кормила. Она-то как раз старалась запихнуть в любимого сыночка еды побольше, отрывая от себя для Джона самые вкусные кусочки. Только Джон лукавил, умело изображая из себя объевшегося. Он даже умудрялся незаметно от мамы Лизы прятать довольно увесистые куски жареной рыбы, мяса, целые картофелины, даже пирожки, чтобы потом незаметно ей же и подложить в тарелку. Или угостить какого-нибудь бездомного щенка или брошенного котёнка, несчастную бродячую собаку, старого бездомного человека, случайно повстречавшегося на пути.

Такой уж он был от природы, наш добрый мальчик Джон.

Разумеется, Джон не ощущал себя постоянно недоедающим, потому как привык съедать не всё из того, чем его угощали. Но поскольку энергии он всегда тратил очень много, организм его всё-таки испытывал нехватку пищи. Ничем она обычно себя не проявляет, эта нехватка, если хорошо выспаться и не бегать, как угорелый, с места в карьер да ещё спозаранку, когда все реакции в организме замедленны. Джон же по неопытности перенапрягся и обессилел. Хорошо ещё на берегу, не в море.

К счастью, упал он удачно, ничего себе не повредив. Просто, как говорится, «выключился» полностью минут на двадцать. А очнувшись, сладко, по-детски, заснул. Крепкий подростковый организм взял своё.

Проснулся Джон оттого, что кто-то потянул из-под него рыбацкий мешок. На нём Джон оказался, скатившись под откос. Наверное, так вышло случайно. Мешок был ещё влажным, однако невероятно уставший мальчик, засыпая, не обратил на это внимания. И к лучшему: по крайней мере, мешок нельзя было просто по-тихому взять и украсть. Пытаясь вытащить добычу из-под мальчика, воришка сделал очень неловкое движение и потревожил спящего. Джон тут же открыл глаза.

Он, конечно же, сначала ничего не понял. Почему это он лежит на каком-то мешке, а над ним нависает чья-то рыжая вихрастая голова с веснушчатым лицом и откровенно нахальными глазами? Пока Джон приходил в себя, воришке вполне хватило бы времени выхватить из-под Джона мешок и дать, как говорится, дёру. Однако он и сам растерялся, увидев распахнувшиеся глаза мальчугана.

– Чего тебе надо?! – рассердился вдруг Джон, до которого наконец-то дошло, что всё это значит.

Он тут же вскочил и оказался лицом к лицу с парнишкой примерно своего роста, может, на пол-голова ниже, одетого, как и многие уличные пацаны, в латаные – перелатанные штаны и рубашку, предварительно перешитые с большего размера на меньший (видимо, старые отцовские или взрослого соседа). Быстро оценив не удавшегося воришку, Джон понял, что парень старше его как минимум года на два. И, скорее всего, сильнее. А грязные босые ноги незнакомца говорили отнюдь не только о его бедности.

Джон тут же подумал, что парень, наверное, привык очень много ходить, а также и лазить по разным лиманам, во множестве разбросанным по берегу моря. Истрёпанная, с закатанными по локти рукавами, рубашка незнакомца была завязана узлом на его животе, пуговиц на ней не было вообще. Полуоткрытый торс парнишки позволял увидеть отлично развитые грудные мышцы и ровный подтянутый живот. И, даже несмотря на то, что рубаха была парню явно

велика, Джон догадался, насколько широки у потенциального противника плечи. Тем не менее, он и не подумал пасовать. Наоборот, демонстративно наступил ногой на мешок.

– Чего тебя, я спрашиваю! – буркнул он ещё раз, внимательно всматриваясь в изумрудные глаза незнакомца, слегка прищуренные и нагловатые.

Возможно, парень готов был уже развернуться и отправиться своей дорогой. Но вызывающее поведение какого-то, с его точки зрения, молокососа, пусть и высокого ростом, разозлило его. Неожиданно для Джона он больно ткнул его правой рукой под ребро и язвительно хмыкнул:

– Чего хамишь, голоногий! По шее захотел?!

Джон вдруг почувствовал, что на самом деле струхнул перед этим наглым крепышом, который совершенно не походил ни на хулиганов близнецов, ни на кого другого из тех знакомых ему городских ребят, кто имел привычку задирается. Джон чувствовал: этот незнакомец далеко не безобиден. Он решил промолчать, но с мешка не сошёл. И парня это ещё больше раззадорило.

– Ты чего, малёк? Не понял? Чего встал у меня на дороге? Давно не получал по лицу?

Переборов приступ страха, внезапно приступившего к горлу, Джон сухо, но подчёркнуто доброжелательно ответил:

– Я тебя не трогал. Я спокойно отдыхал, а ты захотел украсть у меня мешок. Как видишь, у тебя не получилось. Ну так иди своей дорогой.

– Значит, ты отдыхал, – желчно усмехнулся парень. – Ну, так отдохни ещё немного!

Джон отпрянул, потому что босоногий мальчик попытался с силой толкнуть его в грудь. Тут же разозлившись по-настоящему, неудавшийся воришка с криком «давай, что ли, поборемя» накинулся на Джона. Джону ничего не оставалось, как отчаянно сопротивляться, но его опасения подтвердились. Незнакомец боролся гораздо лучше обоих близнецов вместе взятых.

Не прошло и минуты, как Джон снова оказался лежащим на своём мешке, а нахальное лицо незнакомца опять нависало над ним. Только теперь незнакомец сидел на Джоне верхом, также как и недавно посрамлённый хулиган с их улицы. Увы, парень был заметно тяжелее того хулигана и при этом гораздо более ловок и силен.

Задыхаясь от борьбы, Джон тщетно пытался вывернуться в течение нескольких минут – вставал на мост, раскачивался с боку на бок, доставал противника ногами. На этот раз ничего у него не вышло. Вконец обессилив, Джон прекратил сопротивление. Но, дабы не сдаваться откровенно, неожиданно для себя наш мальчуган нашёл, что в данной ситуации лучше мирно улыбаться победителю, чем злиться. Рот его сам собой вдруг растянулся до ушей.

Спонтанный приём сработал – увидев в глазах лежащего под ним «слабака» откровенно нахальную улыбку вместо отчаяния, победитель насупился. По-видимому, он ожидал, что от бессилия и унижения мальчишка расплачется, а тут на тебе.

– Ты чего, парень? – недоумённо нахмурился незнакомец. – Я сижу у тебя на животе, а ты улыбаешься? Ты, случаем, не больной?

Джон сходу сообразил, как вести себя дальше. А главное – понял: этот юный силач ничего ему не сделает, поскольку на самом деле он добрый, даже классный парень. Просто по натуре он победитель – ему обязательно нужно кого-нибудь для проформы побороть.

– Ничуть, – стараясь говорить как можно добродушнее, усмехнулся Джон. – Просто мне весело. Наконец-то я встретил парня, с которым могу по-настоящему подружиться.

– Ну-ка, ну-ка! – прищурился вихрастый, продолжая упираться своими сильными руками в ладони Джона. – С чего это ты решил, что я захочу с тобой дружить?

– Ни с чего! Просто несколько дней назад я загадал желание – моим лучшим другом станет тот, кто уложит меня на лопатки и продержится на мне верхом до полной победы. Я сначала думал: ты драться со мной начнёшь – рубашку рвать, синяки ставить. А ты принялся

со мной бороться. И всё получилось, как я загадал. Честно говоря, с таким бравым парнем я давно мечтаю подружиться.

Мальчишка нахмурился, что-то соображая. При этом он как будто не собирался отпустить побеждённого Джона. И, пока он раздумывал над неожиданными словами странного незнакомца, Джон решительно перехватил у него инициативу.

– Меня зовут Долговязый Джон. На улице, разумеется. Мама зовёт просто Джон. А раньше звали Долговязый – Длинноногий – С голым пузом – Голоногий.

– Как-как? – парень проявил вдруг живой интерес к личности побеждённого им «молокососа». – Долговязый – Голоногий? Голопузый – Длинноногий?

Джону, в сущности, было всё равно, как искажают его дурацкую кличку. Поэтому он задорно моргнул и поддакнул:

– Ага! Но сейчас они зовут меня по-другому – просто Долговязый Джон.

– С чего это такая перемена? – снова съехидничал парнишка, не торопясь, однако, освобождать противника.

– Так меня назвал один старый пират. И все мальчишки и девчонки эту кличку подхватили.

– Кто? – недоверчиво напыжился вихрастый. – Пират? Кончай выдумывать, малёк!

– Ей богу не выдумываю! – хохотнул Джон. – Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Ты ему понравишься – это точно!

Мало-помалу вихрастый переставал демонстрировать Джону враждебность вкупе с презрением – глаза незнакомца всё более становились добрыми, в них всё откровеннее светились любопытство и даже, как показалось Джону, скрытая симпатия к уложенному на лопатки пацану.

– Почему ты решил, что я понравлюсь этому пирату? – место ехидства в голосе рыжего мальчика полностью заняла серьёзность.

– Точно не могу сказать, но он любит сильных, ловких и самостоятельных. Лично меня он заметил в гавани. Я там часто плаваю между рыбацких лодок, изображая дельфина или угря-рыбу. А вчера я выяснил, что все старшие парни, которые в гавани работают, меня знают.

– Наверное, из-за твоих обрезанных штанов? – на этот раз улыбка победителя откровенно сияла шутливым добродушием. – Что же ты, парень, так быстро улёгся на лопатки? В коротких штанах, насколько мне известно, бороться легче. Честно говоря, я думал, ты из клана борцов, только маленький ещё. Лишь они одни щеголяют в подобном виде. Правда, штаны у них – что длинные, что короткие – в обтяжку.

– Первый раз слышу о клане борцов, – Джон решил продолжать общение в деловом ключе, хотя дышать под тяжестью сидевшего на его животе победителя ему было нелегко. – Расскажешь мне как-нибудь о них? Я люблю всякие истории..., – немного помолчав, Джон вдруг перешёл прямо к делу: – Слушай, может, ты встанешь с меня, дружище? Ты и так уже потешил своё самолюбие. А лежать под тобой, говоря честно, не очень-то приятно.

– Ты и вправду не умеешь бороться? – поинтересовался парень, внимательно глядясь на Джону в глаза.

Тяжело вздохнув, Джон прямо лёжа покачал головой:

– Не знаю. Вообще-то я пловец, а не борец. Заплыть могу аж до рыбацких баркасов. Хулиганов-близнецов с нашей улицы я недавно как следует отделал. Но до этого никогда особенно не боролся. А тебя, я вижу, мне точно не одолеть. Но ты ведь и старше меня, разве не так? К тому же я вчера перетрудился – тащил рыбацкий ялик из воды, а потом полмешка с рыбой до дороги.

Узнав у Джона, сколько ему на самом деле лет, парень, согласно кивнув, сказал, что лично ему действительно пятнадцать. И не только поднялся на ноги, но и протянул Джону руку:

– Ладно, Джон, вставай. Ты мне симпатичен. И не верь никому, кто обзовёт тебя слабаком. Даже мне не верь. Хочешь дружить со мной? Вот тебе моя рука. Признаться честно, здесь у меня никого нет. А мне позарез нужно собрать команду сильных, смелых и рискованных парней.

– Да?! – Джон аж подпрыгнул, предвкушая услышать интереснейшую историю незнакомца, в которой наверняка присутствовали всякие тайны и необычные происшествия. – Ты не представляешь, как я рад, что ты не прошёл мимо меня! Но ты не сказал, как тебя зовут.

От вопроса незнакомец как будто смутился, даже несколько покраснел:

– Лиза моё имя.

– Как-как? – Джон аж глаза вытаращил. – Лиза? Мои уши не врут?

– Не ёрничай, – строго одёрнул его парень, – повторяю для непонятливых. Меня зовут Лиза.

– Вот это дела! – воскликнул Джон. – Так зовут мою маму!

– Вообще-то настоящее моё имя – Элизиан, – в глазах мальчугана зажёгся огонёк особого интереса, как показалось Джону, к имени его матери, хотя напрямую вихрастый этого не высказал. – Лизой меня привыкли звать мой отец и его близкие друзья. К сожалению, покойники.

Настала очередь смутиться Джону:

– Извини, Лиза, я не хотел тебя огорчить.

Ему было очень неловко перед новым приятелем за то, что своим вопросом заставил его вспомнить про погибших, которые были юноше очень дороги. Тут же Джон вспомнил и своего папу, умершего от тяжёлой болезни. А фактически погибшего. Джон хорошо знал: если бы папу не ранило на войне, куда он пошёл, чтобы заработать немного денег для них с мамой, он бы не заболел. И был бы сейчас с ними.

– Извини, Лиза, – повторил Джон, печально вздохнув. – Мой папа тоже погиб.

Неожиданно парнишка дружески положил на плечо Джону свою руку. Она оказалась довольно тяжёлой. Но держать её на своём плече Джону было приятно. Ему ведь и в самом деле давно хотелось найти друга юношеского возраста.

Говоря откровенно, Джон безнадежно мечтал о старшем брате. Он, конечно же, понимал, что его мечта абсурдна: кого-кого, а старшего брата у него точно быть не может. Хотя... Иногда ночью ему в голову непонятно откуда приходила странная, но приятно волнующая мысль. Будто у него есть вполне реальный старший брат – сильный, добрый, умелый во многом. Он где-то далеко. Мама Лиза не знает, где он живёт. Она уверена, что он утонул в море, когда Джон был ещё очень маленьким. А он не утонул. Его кто-то спас. Может, тот самый волшебный дельфин, из-за которого ребята с их улицы перестали с Джоном водиться...

Наутро Джон обычно забывал про эту, вызывающую сосание под ложечкой, мысль. Точнее, переставал относиться к ней серьёзно. Ежедневные заботы полностью поглощали собой мечты – для них оставалась только ночь. И то всего лишь несколько минут – перед тем как уставший за день мальчик сладко засыпал. И всё-таки мечта о старшем брате, пускай не родном, а только названном, не покидала Джона, затаившись где-то в глубинах его богатого фантазией подсознания.

И вот возможный названный брат стоял перед ним, обняв его правой рукой за плечи, и от этой сильной руки исходило приятное тепло. Джон заметил вдруг, что сердце его забило быстрее. Он отчётливо понимал, что это не только из-за недавней борьбы. Тонкая ребячья интуиция подсказывала ему: давняя его мечта, похоже, близка к осуществлению.

– Не переживай, – ответил парнишка мягким баском. – Наоборот, это ты меня прости. Если бы я не сказал этого грустного слова «покойники», ты бы не опечалился. Но потерянного не вернёшь.

Они немного помолчали. Потом Лиза решил извиниться за своё нападение на Джона:

– Прости, друг. Я вначале не разглядел в тебе хорошего человека. Смотрю: мальчишка-борец дремлет на мешке. Меня и разобрало. Стяну, думаю, у него мешок, спрячу

и выясню потом с ним отношения. Послушай, – спохватился вдруг парень. – А как это ты узнал, что мой отец именно погиб? Может, он просто умер от старости?

Джону на миг показалось, будто во взгляде Лизы промелькнула вернувшаяся к нему подозрительность. И лежавшая на плече рука словно окаменела. Будто парень теперь не обнимал Джона, а удерживал. «Бедняга, – невольно подумал Джон. – Похоже, смерть его отца – не просто смерть. Наверное, его убили враги».

А вслух пояснил, слегка пожав плечами:

– Это и так ясно. Ты же сказал «покойники», имея в виду твоего папу и его друзей. И сказал это так, что любой понял бы, о чём речь.

Рука парня снова стала по-дружески мягкой. Убрав её с плеча Джона, Лиза задумчиво спросил:

– Твой отец случайно не был борцом? Я имею в виду – он не из клана борцов?

– Послушай, Лиза, – вкрадчиво заметил Джон. – Похоже, тебе нужно поесть и отдохнуть. Ну что ты всё про какой-то клан борцов. Я же сказал: никогда о нём не слышал.

Лиза вдруг отошёл от Джона на несколько шагов. Взгляд его снова сделался холодным, даже враждебным. Окинув оценивающим взглядом фигуру Джона, он заговорил вдруг жёстко и злобно:

– Если ты из клана борцов, не надейся меня провести. Я поверил тебе, обрадовался. Дескать, друга нашёл. А ты... Не думай, что я так просто отдамся вам в руки. Ты ещё мал, но я и тебе скажу. Вам удалось усыпить бдительность моего отца. Вы подло убили всех его близких друзей. Вы думали, что я и моя сестра у вас в мешке! – на этих словах Лиза желчно усмехнулся.

– Сопляк! Иди-ка лучше домой! Скажи, что принц Элизиан пощадил тебя! Скажи, что он не опустил до понятий вашего волчьего племени! Вы превратились в служителей подлости, в самых обычных наёмников! Но вам не удастся поймать меня и мою сестру, какие бы прочные мешки вы ни готовили! Вы, наверное, забыли, что я тоже когда-то состоял в вашем клане. Хотя и жалею теперь об этом. Но я не попадусь на вашу приманку, как дурная рыба. Элизиан умеет голодать и ночевать под дождём, если это необходимо для того, чтобы справедливость рано или поздно восторжествовала.

Джон стоял обескураженный и не знал, что делать. Его мечта о старшем брате разваливалась, будто картонный домик, а в голову не приходило ни одной, даже глупой, мыслишки о том, как не дать этой сладкой надежде рассыпаться в прах. Сами собой у него на глазах возникли слёзы. «Как девчонка себя веду», – с горечью подумал Джон, продолжая стоять перед сходящим с ума парнем, в бессилии опустив руки.

– Ага! – торжествующие нотки зазвенели в голосе Лизы. – Сорвалась такая операция! До слёз обидно! Как я счастлив впервые в жизни увидеть перед собой плачущего борца! Пускай и зелёного!

И всё-таки этот незнакомец был ему симпатичен, чрезвычайно симпатичен. Глядя на него, Джон своим внутренним взором видел перед собой героя из самой лучшей своей сказки, которую ещё не придумал, но о которой грезил уже много ночей подряд. Он нашёл, что сказать своему будущему кумиру и другу. Да, интуиция упрямо твердила Джону: юноша со странным, девчоночьим, именем непременно станет его другом. Обязан стать. Что бы он о Джоне сейчас ни думал.

– Хорошо, Элизиан, – глухим, но по-мальчишески твёрдым голосом выдохнул из себя Джон, смахнув со щёк слёзы. – Если ты так хочешь, чтобы я стал борцом – я им стану. Но в учителя борьбы я предпочёл бы тебя. Не веришь мне – не верь. Надеюсь, ты очень скоро поймёшь свою ошибку. Только знай: никто в этом городе не даст тебе приюта. Только мы с моей мамой. И, может быть, старина Грей, мой друг, который в молодости был пиратом. А теперь я пойду. Пока...

Поднявшись с мешком в руке на дорогу, Джон быстро зашагал в сторону гавани, заставляя себя не оглядываться. Он чувствовал, что парень следит за ним, но старался не обращать на это внимания. Впрочем, если бы Джон в тот момент обернулся, Лизу он наверняка бы не заметил: юноша шёл за ним понизу, как тень – бесшумно и прячась в кустах.

Солнце поднялось уже достаточно высоко и начинало припекать. Джона обогнала подвода, затем вторая. Извозчики торопились в гавань, к баркасам, вернувшимся с ночного промысла.

Примерно через четверть часа Джон уже боязливо почёсывался, в нерешительности стоя у тех самых зарослей крапивы. Лезть в неё ужасно не хотелось, но ведь именно для этого он и сбежал из дома в такую рань. Впрочем, Джон представил, как возмущается сейчас мама Лиза. Она же ещё вчера намекала на то, что Джону придётся помочь ей тащить заказчикам бельё. А тут на тебе – проснувшись, вместо сына мама обнаружила остывшую постель.

По логике, она должна была пойти в гавань. Обычно люди с их улицы ходили туда не по насыпи, а более прямой тропой, выход на которую начинался за базарчиком, расположенным на площади по другую сторону улицы. Однако Джон подозревал, что на этот раз мама Лиза может пойти по большой дороге, на всякий случай. Так что мешкать было нельзя, иначе он рисковал попасться ей на глаза.

Была не была. Собравшись в комок, Джон бесстрашно ринулся в гущу жгучей травы во второй раз. Обожгло его, конечно, не меньше, чем вчера вечером, однако ялик был на месте, и это согрело Джону душу. Как он и опасался, треска начала протухать. Следовало бы сразу взять из дома соли, но, как говорится, хорошая мысль не поспевает за делом. Торопясь поскорее выскочить из проклятых зарослей, Джон покидал треску в мешок, взвалил его на плечи. И зашатался под тяжестью. Он действительно перетрутился за предыдущие дни. А тут ещё и бороться не на шутку пришлось. Только теперь мальчик понял, как сильно вымотал его подзирительный противник.

– Давай помогу, – раздался вдруг рядом голос Лизы.

От неожиданности Джон едва не свалился в крапиву. Лиза стоял перед ним, насупившись, и протягивал ему руку. Джон не успел возликовать. Правая рука сама собой потянулась навстречу Элизиану. Стиснув своей сильной ладонью ладонь Джона, парнишка резко выдернул его из крапивы, затем, ловко отобрав у него мешок, мгновенно взвалив его себе на плечо.

– Куда идём? – хмуро поинтересовался Лиза.

– Домой ко мне, куда же ещё, – ворчливо откликнулся Джон, стараясь не выказывать радости (пусть думает, что Джон на него обижен).

Джонни вознамерился было возвращаться по дороге, однако Лиза пошёл вдоль насыпи понизу, стараясь прятаться за высокой травой. Джон хотел спросить, чего Лиза остерегается, но сдержался, подумав: «Он от кого-то уходит. Не важно, кто такие эти загадочные борцы (может этот парень – циркач). Зачем его злить? Да и будет лучше, если мама Лиза нас не заметит».

Несколько раз Джонни порывался сменить Лизу в роли носильщика. Он видел, что парень действительно сильный, во всяком случае заметно крепче Джона. Но то, что незнакомца пошатывало от голода и долгого пешего перехода, скрыть от глаз Джона (и не только его) было невозможно. Тем не менее, в ответ на просьбы Джона отдать ему на несколько минут мешок Лиза только сердито сопел и ускорял шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.